

**ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ МИР
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ V В. Н. Э.
И СОЧИНЕНИЕ ОЛИМПИОДОРА**

*ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИСТОРИКОВ 60-х—90-х гг. XX в.*

Наверное, нет ничего удивительного в том, что именно историки послевоенного и «послесталинского» периода взглянули на период упадка и гибели античного мира новыми глазами. В этом выразился накопленный человечеством новый опыт, приобретённый в период коллапса мира XIX века — мира привычной, несколько наивной эпохи, ещё не знавшей ужасов XX века. Можно сказать, что основным направлением развития изучения поздней античности стало стремление отойти от простой оценки этого грандиозного периода, охватывающего период с III по начало VII вв., просто как периода деградации и упадка классической античности, проходившего под нажимом римского провинциализма, германского варварства и христианской иррациональности. Теперь же исследователи попытались, и не без основания, увидеть в поздней античности самоценный период истории средиземноморско-европейской цивилизации, — период, окрашенный, с одной стороны, тенденцией общего, постепенного ослабления

античного мира, а с другой — отмеченный зарождением в рамках того же античного мира новых и давно недостававших ему явлений. Это новое родится вместе с поздней античностью и умрет вместе с ней, придав тем самым этой эпохе черты особой неповторимости. Люди конца XX в. увидели, что периоды упадка цивилизаций имеют свою прелесть, сравнимую, быть может, с очарованием поздней осени.

Наиболее значительными работами по «реабилитации» поздней античности в новое время (после публикации перевода Олимпиодора Е. Ч. Скржинской) стали труды А. Х. М. Джонса, А. Демандта и П. Брауна — за рубежом, а в отечественной науке — работы византинистов петербургской школы: Г. Л. Курбатова, Г. Е. Лебедевой, Е. П. Глушанина и московских исследователей С. С. Аверинцева и В. И. Уколовой.¹

¹ *A. H. M. Jones. The Later Roman Empire 284–602. Vol. I–III. 1964; Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1970; С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской культуры. М., 1977; P. Brown. The Making of Late Antiquity. Harvard University Press, 1978; Г. Е. Лебедева. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Издательство ЛГУ, 1980; Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ: город и государство. Л.: Издательство ЛГУ, 1986; A. Demandt. Die Spätantike. Die Römische Geschichte von Diokletian bis Justinian 284–565 n. Chr. / Handbuch der Altertumswissenschaft III. 6. München: Beck, 1989; Е. П. Глушанин. Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1991. — См. также: История Византии в трёх томах. М.: Наука, 1967. Т. 1.*

РИМЛЯНЕ И ВАРВАРЫ В КОММЕНТАРИЯХ Е. Ч. СКРЖИНСКОЙ

К сожалению, многочисленные и весьма ценные наблюдения и соображения Е. Ч. Скржинской по истории IV—VI вв. рассеяны по многочисленным комментариям к переведенным ею источникам. Из-за этого читатель не может сразу оценить в целом взгляды исследовательницы. Поэтому будет уместно сделать здесь несколько наблюдений. Все они так или иначе касаются темы римско-варварских взаимоотношений.

Позднеантичный мир для Е. Ч. Скржинской — это мир всёпронизывающей борьбы, — борьбы, лежащей в основе большинства событий, — борьбы между варварством и Римом.² Скорее всего, в таком разделении Е. Ч. Скржинской поздней античности на два непримиримо враждебных друг другу мира, отразилась не столько история прошлого, сколько реальность настоящего — реальность России середины XX века, где боролись остатки умиравшей дореволюционной культуры с напиравшим варварством советского бескультурья. Конечно, и в V веке было противостояние между культурой и варварством (см., напр., Аполлинария Сидония³), но, с другой стороны, ясно, что это столкновение не носило такого глубинного, апокалипсического ожесточения, как в большевистское время. К тому же, далеко не всегда

² См., напр., комментарий Е. Ч. Скржинской № 18 или 199.

³ К сенатору Катуллину, жалоба на враждебность варваров // Поздняя латинская поэзия. М.: Художественная литература. 1982. с. 543—544.

грань между враждующими сторонами в поздней античности проходила именно по черте между варварством и «романством».

Много чаще сами варвары враждовали друг с другом, а уж внутри имперской правящей элиты было еще меньше единства. Провести четкую границу между римской и варварской знатью уже к концу IV века становится несколько затруднительно. Кем была Евдоксия, жена императора Аркадия? — её отец Баутон был франком и язычником, а мать — дочерью знатного франка, её двоюродный брат Теодемер — первым королём франков. Кем были её дети, император Феодосий Младший и Пульхерия, — образованнейшие люди своего времени? Кем был вандал Стилихон, положивший свою жизнь на алтарь римского государства; кем были его дети, Мария, Терманция и Евхерий — варварами или римлянами? Кем бы стал сын Галлы Плацидии и Атаульфа, выживи он в первый год жизни? — Ясно, что мы имеем дело со смешанной римско-варварской позднеантичной военно-служилой знатью. Она ни в коем случае не была каким-то подобием замкнутой касты и, наоборот, отличалась чрезвычайной социальной открытостью.⁴ И более того, границы этого слоя не были четко ограничены в этническом или географическом смысле: в большей или меньшей степени к ней принадлежало большинство знатных родов средневропейских варваров (германцев, сарматов, гуннов). Центрами постоянного притяжения для этой римско-варварской военно-служилой знати были не только войска и дворы римских императоров,

⁴ Е. П. Глушанин. Указ. соч., с. 104—112. 229.

но и дружины и придворная жизнь знаменитых варварских королей.⁵

Е.Ч.Скржинская, как и многие её предшественники, склонна оттенять слабость культурного Рима перед натиском варваров. Она не раз указывает на определённое бессилие позднеримской власти: тут и «не представляющий собой ничего выдающегося» Олимпий,⁶ и Иоанн на «почти эфемерном престоле Западной Империи в течение двух лет»,⁷ тут и «марионеточная роль императора» Аттала,⁸ тут и «маловлиятельный» Гонорий.⁹

Конечно, имело место определённое ослабление Империи в начале V века, но нельзя забывать, что у западноримской власти и её представителей были ещё значительные силы и возможности. Упомянутый Олимпий смог не только обойти в придворной борьбе всесильного Стилихона на политическом поприще, но и в открытом сражении около Пизы в 409 году разбить самого Атаульфа. При этом Олимпий располагал лишь отрядом из 300 гуннских федератов, потери же готов составили тысячу сто воинов. Для свержения упомянутого Иоанна потребовались почти двухлетние усилия трёх военных магистров со всеми походными силами Восточной Империи. «Марионетка» Аттал отказался пустить в Африку самого

⁵ См. в качестве примера, правда, из несколько более позднего времени, о дворе Аттилы: П.В.Шувалов. У истоков средневековья: двор Аттилы // Двор и придворная культура в историческом аспекте / ред. Г.Е.Лебедева. СПб.: Изд. СПб. ун-та. 1997.

⁶ См. комментарий Е.Ч.Скржинской № 18.

⁷ Комментарий 209.

⁸ Комментарий 57.

⁹ Комментарий 20.

Алариха.¹⁰ А «безвольный» Гонорий пережил и Стилихона, и Олимпия, и Алариха, и Аттала, и Константина III, и Максима, и Иовина, и Гераклиана, и Констанция III; выдворил Галлу Плацидию и умер в конце концов своей смертью, до конца жизни оставаясь императором Запада.

Вопрос, кто реально обладал большей властью в первой четверти V века: германские короли или римские императоры, не может быть однозначно разрешён. Престиж императора даже после всех катастроф начала V века был ещё чрезвычайно велик. Так, не императоры призывают королей на помощь, а сами короли стараются присоединиться хотя бы к какому-нибудь императору, без которого их власть, видимо, не так уж и много значит (Атаульф — к Атталу, Иовину и Гонорию; Гунтиарий — к Иовину). И, несомненно, Константин III смог удержать контроль над большей частью Галлии, несмотря на вторжение вандалов, свевов и аланов, которые попросту не были в состоянии и не собирались сменить практику грабежей и погромов на какую-то форму контроля над территорией Галлии.¹¹

¹⁰ Интересно сравнить текст Олимпиодора (§ 13) «Аттал ... выступает с войском по направлению к Равенне», с текстом Е.Ч.Скржинской (комм. к этому же месту) «К Равенне ... подошёл собственно не Аттал, а Аларих». При этом Е. Ч. Скржинская считает излишним сделать какие-либо пояснения.

¹¹ Ср. комментарий Е. Ч. Скржинской № 53: Константин III «мог объединить области (Галлии) под своей властью на весьма краткий срок, потому что в последний день 406 г. вандалы и аланы пересекли Рейн». В то же время, по Зосиму (VI, 2) и Орозию (VII, 40, 4), эти варварские племена были подчинены Константином III.

Римский сенат у Е.Ч.Скржинской «бессилен».¹² А это, между прочим, тот же сенат, который воспротивился в 407 году самому Стилихону, когда тот хотел уплатить Алариху обещанные 4 000 фунтов золота, что и привело к падению Стилихона. Это тот же сенат, который поставит императором Аттала, собиравшегося проводить свою собственную, независимую от готов политику. Это тот же сенат, глава которого в 454—455 гг. произведёт государственный переворот, устранив Аэция и Валентиниана III. В 456 же году, через год после страшной катастрофы 455 года, всё тот же сенат своей оппозицией к набиравшему силу императору Авиту приведёт к его падению. Эта роль сената хорошо согласуется с теми огромными суммами, которые высшая римская знать тратила на обеспечение традиционной римской карьеры для своих сыновей (см. Олимпиодор §44). В то время как Алариху подобную же обещанную сумму выплатят только после осады Рима. И действительно ли уж так был слаб на Западе в начале V века «отмиравший класс рабовладельцев»?¹³

Любопытно, однако, что принижая значимость Рима, Е.Ч.Скржинская с недоверием относится и к свидетельствам о мощи победителей Рима — варваров. Так, число варваров (200 000), пришедших с Радагайсом в Италию, «конечно, преувеличено»,¹⁴ в то время как эти переселенцы представляли собой практически всё варварское население огромной территории от Среднего Дуная до Днестра. Соответственно, у тех же варваров и «родовитая знать не

¹² Комментарий 20.

¹³ Комментарий 57.

¹⁴ Комментарий 41.

могла исчисляться десятками тысяч».¹⁵ Можно, конечно, видеть в такой позиции Е.Ч.Скржинской простое следование устоявшейся в науке традиции уменьшать численность варваров, но навряд ли это было бы справедливо по отношению к такому самостоятельно мыслящему учёному, как Е.Ч.Скржинская. Скорее всего, за этим стоит всё то же видение эпохи, видение, преломленное через призму переживаний и ощущений собственного времени.

ПОГРАНИЧЬЕ ПОЗДНЕРИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ V в. Н. Э. (ОЧЕРК ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ)

Олимпиодор и вслед за ним Е.Ч.Скржинская сосредоточивают своё внимание в основном на событиях, происходивших на римской территории. Однако, ключ к пониманию причин многих из этих событий лежит севернее — на территории к северу от римской границы. Поэтому мне представляется небесполезным для читателя приложить краткий очерк основных событий на северном пограничье Империи в первой четверти V века.¹⁶

¹⁵ Комментарий 42.

¹⁶ По политическим событиям первой четверти V в. см. обобщающие работы на русском языке: А.Р.Корсунский, Р.Гюнтер. Упадок и гибель западной римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во МГУ, 1984; В.Т.Сиротенко. История международных отношений в Европе во второй половине IV — нач. VI в. Пермь, 1975.